

ЗАПОМНИТЬ УТКИНА
Фестиваль открылся 25 сентября посвящением Шостаковичу, которому исполнилось бы в эти дни 95 лет. Концерт был с Российским национальным оркестром. Через три дня на ту же сцену вышел второй коллектив Спивакова – «Виртуозы Москвы». Он солировал на пару с гобоистом Алексеем Уткиным в Концерте Баха. От истерики, сопровождающей каждый выход сияющего Спивакова на сцену, трудно абстрагироваться. Но качество исполнения снимает все раздражение. Гениальный Уткин (с 28 лет – профессор консерватории) будет давать в ноябре сольный концерт – не пропустите.

Каков был этот дуэт? Да иногда было трудно различить, где скрипка, где гобой. Выше оценки не бывает. Инопланетянин подумал бы, что музыка звучит сама собой, а два дяденьки зачем-то бесполезно терзают непонятные игрушки. Кто бы это у нас еще так сыграл вторую часть Баха? Никто. И оркестр был деликатен в аккомпанементе. Любые другие наши исполнители свели бы этого Баха к рядовому концертному номеру, филармонической отработке.

БУДЬТЕ УТЕШЕНЫ

Все знают, каков Спиваков, и он знает, что все это знают. А удивить хочется. Отсюда — взял и сам составил литературно-музыкальную композицию. Фрагменты новеллы Цвейга о Генделе перемежались отдельными частями оратории «Мессия». Возможно, это последнее сочинение композитора, которое он слушал перед смертью.

В целом просветительская композиция, конечно, отдавала бессмертными «Музыкальными клубами» на виниловых пластинках, спасавшими учителей пения в общеобразовательных школах. Но текст читал Олег Табаков (коллега Спивакова по жюри премии «Триумф»), стоявший за оркестровым пультом импозантно, как какой-нибудь заправский бас. Помня, какую значимость способен вложить этот артист в самые заезженные слова, легко представить, как звучали из его уст фразы «Я вернулся из преисподней» или «Будьте утешены». Хор Минина звучал уверенно, что было особенно кстати в полифонических местах, но расстроили померкшие женские голоса.

КТО ПЕРВЕЕ?

2 октября меломаны разрывались. В Большом театре – Реквием Верди под управлением Риккардо Мути. В Большом зале консерватории – Спиваков и Башмет (тоже собожества триумфовского ареопага), «Виртуозы Москвы» и «Солисты Москвы» на одной сцене.

Ясно, кто ценит драматургию жизни, предпочли второе. Спиваков и Башмет — это вам не лед и пламень, это кое-что похлеще. Когда два выдающихся музыканта принципиально не общаются почти двадцать лет, становится страшно. И, если брать даже по самой поверхности, очень жаль, что Владимир Теодорович никогда не играет на «Декабрьских вечерах», которыми теперь руководит Башмет, а Юрий Абрамович скорее выступит на вечере Кобзона, чем на спиваковском фестивале в Кольмаре.

Тем не менее запланированный концерт состоялся. Первое отделение разочаровало, как всегда, невнятным качеством «Солистов Москвы». Конечно, каждый раз надеешься: а вдруг?.. Квintет Брамса (для кларнета и струнного квартета в переложении для альта и «Солистов») — музыка восхитительная, а Башмет вне критики. Но «Солисты», как бы ни нахваливал их создатель, в музыкальной жизни Москвы занимают по-прежнему место рядовое, ниже твердого середняка вроде «Musica viva».

Поскольку после первых двух частей Квintета часть публики бешено хлопала (значит, в консерватории в первый раз), Башмету пришлось обратиться к непросвещенным поклонникам с речью: «Господа, это были первая и вторая части, впереди еще третья и четвертая». А вот Спиваков, между про-

СПИВАКОВ ПРИГЛАШАЕТ И ВЫИГРЫВАЕТ

Фестиваль «Владимир Спиваков приглашает...»
Большой зал консерватории

ФОТО ЕВГЕНИЯ БУРИСТОВА

Еще летом, заметив на бескрайней Таганской площади гигантский красный рекламный щит, можно было оценить размах будущего мероприятия. Спиваков – человек редкой обязательности, посему не смутили на огромной афише имена великих Джесси Норман (неужели она приедет в Россию?) и Юрия Башмета (в кои-то веки Спиваков поладил с Башметом?). Уверенный облик хозяина, доброжелательно взирающего на бестолковую Таганку, по-наполеоновски сложив руки на груди, способствовал предвкушению.

чим, которого тоже иногда так же лажают новые поклонники, научился между частями скульптурно держать руки в воздухе, давая понять, что хлопать рано и исполнение еще в процессе.

Но начало второго отделения поразило своей драматургией даже нашего театрального обозревателя. Оркестр (смесь «Виртуозов» и «Солистов») уж на сцене, объявлена Концертная симфония для скрипки и альты с оркестром Моцарта, солисты Спиваков и Башмет. Проходит минута, другая, третья. Зал напряженно ждет. Начинаются робкие нервные аплодисменты. Ехидные шуточки: «Сейчас они там поубивают друг друга, кто кого первый на сцену пропустит»; «Сейчас оба пролезут в дверь одновременно» и все в таком духе.

Наконец первым вышел Спиваков как «просто солист», за ним Башмет, которому предстояло еще и слегка дирижировать (говорят, кто будет дирижировать, решалось в последний момент).

Два корифея, будто закадычные приятели, славно улыбаясь друг другу, подарили нам исполнение, которого не знала, скажем, публика Ойстраха – в его эпоху просто не было такого альтиста в пару. Но если вспоминать очень давнее (17 лет назад?) исполнение Концертной симфонии Спиваковым и Башметом, то все немного трансформировалось. Тогда, давно, казалось,

что уникальная красота звука собственной скрипки поглощает Спивакова целиком. И Башмет глубже в содержании (в каком еще содержании? – спрошу я себя теперь). Может, aberrация памяти. Может, у Спивакова была тогда непреодолимая слава попюриста. (Боже мой, классический музыкант-популист – какое же это благо, скажем мы теперь.)

И вот нынче коротко отметим, что Спиваков и стилин, и благороден, и содержателен в каждой фразе, а Башмет, страшно сказать, рискует выйти из зоны неприкасаемых. Но это, конечно, жалкая придира на фоне того невероятного (словцо Башмета, доставшееся по наследству от Рихтера и Дорлиак) впечатления, которое в целом произвел вновь созданный дуэт.

Скромные музыкальные и богатые светские фанаты обоих солистов устроили им не просто триумф, а с ботаническим садом – цветы несли только что не ладьями. Куда там Мути.

МИТИН МОЦАРТ

4 октября больше всего волнений вызывал Митя Корчак – лично я беззащитно лоббирую этого юного тенора по причине его таланта и особой красоты голоса. Корчак был заявлен не с кем-нибудь – со всемирно известным баритоном Сергеем Лейферкусом в опере Римского-Корсакова «Моцарт и

Сальери». Затем в программе стоял Реквием Керубини.

Керубини пустили сначала. И о смешанном хоре Академии хорового искусства Виктора Попова можно только повторить: это самая мобильная и профессиональная певческая организация, безукоризненно работающая в любых концертах, являющая чудеса трансформации, когда нужно высветить то или иное звучание за счет подходящей группы голосов. Потому что свежих голосов у Попова навалом, школа одна, дисциплина железная, Попов на нее жизнь положил. Отсюда всегдашнее качество – супер. Хор вступил – ты как в море вошел и поплыл. Что же касается музыки Керубини, то первые части оказались талантливее заключительных. Так что правильная перестановка. Тем более, что в опере Римского-Корсакова звучит начало Реквиема Моцарта, и даже эти первые такты, что называется, убирают всего Керубини. Вот тут-то и понимаешь Сальери.

Лейферкус в его роли был очень убедителен актерски и немного разочаровал как певец – но мне, как ни подло, это было на руку: Корчак тем более блистал, пел потрясающе; тенор его был и звенящим, и трепетным, и легкомысленным, и грустным. Другой образ Моцарта теперь трудно себе представить. И играл выпускник

Академии Попова, будто еще и «Щуку» закончил, и стажировку у Покровского прошел. Зато кланяться не умеет совсем – руки не знал куда девать. И музыка у Римского-Корсакова все-таки кошмарная. Особенно после Керубини.

МИМО ШАПКИ МОНОМАХА

Апофеоз фестиваля – выступление Джесси Норман. Она прилетела 2-го; автобус подали для семи ее чемоданов. Восемь прибывших с ней сопровождающих – не знаю, много или мало для звезды. Поселили всех в «Национале» с видом на Кремль. Риккардо Мути вместе с оркестром и хором Ла Скала жил в «Метрополе», но как узнал – перебрался тоже в «Националь». Пытался вытащить Норман в Большой на Реквием. Но она уже отрепетировала со Спиваковым программу заключительного концерта фестиваля, устала и никуда не пошла. А 3-го днем, дай Бог ей здоровья, дала открытую репетицию в БЗК. На нее – дай Бог здоровья Спивакову и директору фестиваля Георгию Агееву – распространялись бесплатные билеты для тех, кто не в состоянии заплатить 600 рублей в последний ряд второго амфитеатра.

После репетиции звезду повезли в Оружейную палату, где она прошла мимо платьев, карет и шапки Мономаха, подивившись осиным талиям придворных дам послепетровских времен («Кто же в них влезет, кроме девочек-подростков?»). И восхитившись их щедрой отделкой («Poog country?» «Бедная страна?» – лукаво подмигнула она гиду).

Через час на пресс-конференции она снисходительно отзовется об опере «Борис Годунов» и заметит, что оперу надо было писать все-таки про Екатерину Великую, причем начиная с Германии. А про нашу страну скажет, что после такого приема у музыкальной публики на открытой репетиции Россия не кажется ей больше очень холодной страной. И, подумав, добавила: «Да не так уж она и далека, как я думала»...

Чтобы Расея наша неумытая, очень далекая от Оружейной палаты, не слишком сразила Норман, было нанято 15 уборщиц, которые отдраили зашарканную сцену Большого зала консерватории. В Театре Маяковского арендовали софиты и даже рампу для подсветки Норман снизу. Оркестрантам РНО запретили курить на служебной лестнице, загнав их в отдаленное закулисье. Других подробностей не знаю (контракт содержал 16 страниц условий), да и все они меркнут по сравнению с впечатлениями от выступления великой певицы.

«Пять песен на слова Фридриха Шюккерта» Малера воспринимались трудно и на репетиции, и на концерте 5 октября. Тонкие душевные состояния, конечно, подвластны певице, идущей за умным словом. Но сама экзотическая для нас внешность Норман, громада ее голоса (в Малере у нее тишайшево), нездешняя энергетика – все непременно, все в каких-то других параметрах. Хотя вот «Смерть Изольды» – это как раз по ее масштабам, здесь было где раскошегарить гигантский певческий аппарат-паровоз, размахнуться и навсегда поразить нас, от Вагнера по разным причинам отлученных, заоблачностью самой темы: любовь и смерть в одном акте.

Несомненными шедеврами прозвучали бисы – «Сесиль», «Единение» и «Завтра» Рихарда Штрауса. Причем для исполнения последней вещи Спиваков оставил дирижерский пульт, взял в руки скрипку и изначально задал дуэту, такому желанному для обоих, звук неземной красоты, подхваченный Норман.

Когда-нибудь мы еще вспомним этот фестиваль. Может быть, даже очень скоро. Достаточно проглядеть ближайшие музыкальные анонсы, не сулящие ничего сколько-нибудь похожего. Ну хоть несколько дней пожили в сладком, барском ощущении, что у нас каждый вечер звезды. ■